

и Е. И. Риехакайнен, заведующего кафедрой теоретического и славянского языкознания Л. А. Козловской, доцентов этой же кафедры А. М. Калюты, Л. И. Соболевой.

На заключительном заседании конференции с докладами выступили профессор кафедры теоретического и славянского языкознания Б. Ю. Норман, профессор Витторио Томеллари (г. Мачерата, Италия), профессор Андраш Золтан (г. Будапешт, Венгрия), профессор Мариола Якубович (г. Краков, Польша).

Участники конференции, гости и слушатели единодушно высказались за продолжение традиции проведения научных чтений в память о профессоре А.Е. Супруне.

*Л. А. Козловская,
зав. кафедрой теоретического и славянского языкознания,
кандидат филологических наук доцент*

НАСЛЕДИЕ А. Е. СУПРУНА И ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ ТЕКСТА

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ ТЕКСТА

А. Е. Супрун, А. П. Клименко

Хотя за последние полтора – два десятилетия сделано довольно много в области лингвистического изучения текста, в выявлении его особенностей и структуры, следует, вероятно, признать, что создание лингвистической теории текста только начинается. Текст был объектом филологического исследования, но при расчленении филологии, выделении лингвистики о тексте как бы и забыли. Возможно, в этом проявились эмансипационные устремления лингвистов, хотевших отделиться от филологии, выделить свой собственный лингвистический объект. И.А. Бодуэн де Куртенэ, начертывая в канун нового столетия перспективы развития лингвистики текста XX века, писал: «Но языкознание может принести пользу в ближайшем будущем, лишь освободившись от обязательного союза с филологией и историей литературы» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 18]. В ту пору актуальным для языкознания казалось расчленение элементов. И. А. Бодуэн де Куртенэ в той же работе отмечал: «Исследуемые языки должна подвергаться всестороннему расчленению¹ элементов во всех возможных направлениях» [Baudouin de Courtenay 1974: 22]. Не отрицая роли анализа, языкознание во второй половине XX века вместе с тем обратило внимание на важность синтеза [Jakobson 1985: 283–292]. К этому вело и внутреннее развитие науки, и внешние потребности,

¹ В русском издании слово расчленение переведено как поэлементный анализ, что едва ли точно [Бодуэн де Куртенэ 1963: 17].

в частности потребности, связанные с автоматической переработкой языковой информации. Именно в этих условиях возрождается в лингвистике интерес к тексту.

Другой характерной особенностью лингвистики XX века стало создание лексикологии, хотя и видится, что до завершения её теоретического построения еще далеко. Можно указать на неразрешенность таких двух фундаментальных проблем, как общая структура лексикона языка и семантическая структура слова в системе и в процессе её функционирования. В ходе современного развития лингвистики текста лексике, как представляется, уделено недостаточное внимание. Главным объектом исследования текста остается грамматика и в определенной мере лингвистизированная логика. В последнее время проявляется интерес к психолингвистическому подходу к тексту.

Однако, если говорить о процессе порождения, или иначе о процессе производства текста, надо, видимо, признать, что в производстве текста равносильно участвуют и грамматика и лексика. Ни лексика, ни грамматика не могут претендовать на главенство в языковом формировании текста. И грамматика, и лексика являются главными конституэнтами текста. Они взаимосвязаны. Они взаимозависимы. Лексика определяет подбор некоторых грамматических форм, точно так же как грамматика определяет выбор лексики. И грамматика и лексика вместе служат раскрытию цели и содержания текста и высказывания как их минимума. Если рассмотреть две конструкции: *Пете нравится Наташа; Петя любит Наташу*, то очевидно, что их грамматическая структура определяется выбором лексической единицы. С другой стороны, в двух аналогичных конструкциях: *Петя любит красный цвет; Пете нравится красный цвет* – лексическая сторона, выбор лексем нравится или любит, скорее обусловлена грамматической структурой предложения. Но, признав, что лексика и грамматика взаимосвязанно участвуют в создании структуры текста, станет очевидным, что наряду с понятием грамматической структуры текста нам необходимо признать и наличие лексической структуры текста. Вероятно, еще не пришло время для определения, для дефиниции понятия лексической структуры тек-

ста, прежде всего потому, что мы еще недостаточно знаем лексическую структуру языка, иначе говоря не знаем, как организован лексикон.

Единственные полные описания лексикона – это пока что словари, т. е. перечни слов, а устройство лексикона, его параметризация до сих пор слабо выяснены. В настоящее время еще нет условий ни для исчерпывающего перечня параметров, ни для построения их точной иерархии. Прежде всего разумеется, что лексическая структура текста определяется отбором слов для данного текста из безбрежного океана слов, 'имеющихся в языке. Известно, что словари развитых литературных языков включают обычно одну, две, несколько сотен тысяч слов, а в художественном произведении, даже достаточно крупном, используется, как правило, значительно меньшее их число. Как же происходит отбор слов из лексикона языка для употребления их в данном тексте?

Очевидно, главным и решающим является тот тематический круг проблем, которые будут освещаться в тексте. Так, было показано, что в морских рассказах ряда англоязычных писателей не менее четырёх пятых словника составляет несколько тематических групп. Среди этих групп можно указать, например, названия лиц, животных, в том числе птиц и, что существенно для рассказа о море, названия рыб, артефактов, в том числе морских судов, обозначения движения, пространственных отношений, времени, цвета. Интересным для данной группы текстов оказалось преобладание обозначения места над обозначением времени, хотя те и другие обозначения довольно употребительны во всех рассмотренных текстах [Середа 1984].

Иной выбор лексико-тематических групп в произведениях, посвященных другой тематике. Например, в рассказе Моэма "Rain" существенную роль играет лексика, связанная с интеллектуальной деятельностью, что объясняется историей жизни дьячка, превратившегося в дельца. Разумеется, не только целые группы, но и отдельные слова отбираются в текст в соответствии с заданной темой. Так, слова *rain, ship, room, house* являются наиболее частыми из нарицательных существительных в рассказе Моэма "Rain".

Выбор конкретных лексем в большей мере, чем выбор тематических групп обуславливается внутренними свойствами языка. Определенную роль играет сочетаемость слов, например, если мы употребили слово *ливень*, то мы не можем употребить при нем глаголы *моросить* и *лечь*, в то же время, если бы мы употребили существительное *дождь*, то возможно было бы не только *шел дождь*, но и *моросил дождь*, *лил дождь*. Таким образом, выбор одного из слов данного сочетания определил собой и выбор других слов. Выбор отдельной лексемы, когда возникает синонимическая ситуация, обуславливается по-видимому, достаточно сложным комплексом причин. Так, к примеру, в одном из вершинных произведений древнерусской литературы, в «Слове на вербницу» Кирилла Туровского (XII век), идет пересказ евангельского текста о въезде Христа в Иерусалим, когда жители устилали перед ним дорогу пальмовыми ветвями. И вот древнерусский проповедник, вообще говоря, проявлявший большую заинтересованность в доходчивости и действительности своего текста, выбирает все-таки относительно редкое слово *вайя* – пальмовые ветки. Возможно этим экзотизмом он хотел показать некоторую дистанцию от современности, к которой постоянно перебрасывал мосты от евангельского рассказа. Но так или иначе выбор обратился не к допустимым здесь в принципе словам *ветви* или *листья*, но к возвышенно в его устах звучавшему *вайя*.

Как известно, в тексте происходит так называемое разрешение омонимии, многозначности слова, иначе говоря предполагается, что из неопределенного множества значений в тексте отбирается какое-то одно или какой-то круг значений. Это было показано в исследованиях Ф. А. Литвина [Литвин 1984], И. А. Стернина [Стернин 1985], Ю. Д. Апресяна [Апресян 1974], определивших пути, по которым осуществляется актуализация тех или иных значений. Была продемонстрирована и неполная однозначность слова в тексте [Супрун 1973; Супрун 1978: 72–94].

Итак, отбор слов и их значений в тексте составляет, вероятно, одно из первых значимых для лексической структуры явлений. Этим, однако, лишь закладывается фундамент для лексической структуры текста. По-видимому, лексиче-

ская структура текста определяется прежде всего фактором распределения лексики по тексту, движением слов по тексту. Если множество слов, как правило, повторяется, то необходимым образом происходит некоторое распределение слов по всей длине * текста. В рассказе «Rain» Мозма всего трижды употреблен глагол *to understand*, но очень характерно, что эти три употребления сосредоточены к концу текста, где расположены в определенной последовательности: дважды в негативных оборотах – *Dr Macphail could not understand*, потом опять – *could not understand*, и наконец – *He understood*. Этим создается особое звучание не очень частого глагола в данном тексте. В том же рассказе один из героев пастор Дэвидсон часто называется *missionary*, однако на последних страницах рассказа термин *missionary* не употребляется и на случайно: на этих страницах Дэвидсон предстает перед нами не как миссионер, а как простой человек, в собственных глазах – падший человек [Клименко 1985: 112–115]. Выбор слов может быть значимым и в отрицательном смысле. Так, по-видимому, не случайно мало количество женских номинаций, наименований лиц женского пола в таком «мужском» тексте как повесть Э. Хемингуэя «Старик и море» [Клименко 1982: 8–12].

Распределение слов по тексту может иметь различный характер. Некоторые слова распределяются более или менее равномерно, это те слова, которые проходят сквозь всю тематику текста, правде всего так называемая общеупотребительная лексика, само собой, некоторые грамматические слова и т. д. Другие слова наоборот характеризуются сгущением употребления в одних частях текста и малой употребительностью в других частях текста. Это опять-таки естественно в связи с тематическим развитием текста, с принципом значимости употребления слова. Можно сказать, что такое равномерное или неравномерное употребление характеризует не только отдельные слова, но и лексические группы в тексте. Так, в уже рассмотренном примере с морскими рассказами прослеживалось определенное движение семантических групп. Это понятно, так как в данном случае лексика отражает сюжет повествования, движение фабулы и т. д.

Ф. Папп еще в 1961 г. в «Вопросах языкознания» опубликовал очень интересную работу, в которой рассматривал характер прироста новых слов в тексте [Папп 1961: 93–100]. Факты показывают, что если взять первую сотню словоупотреблений в каком-либо тексте, то в этой сотне будет примерно 80 различных слов. В следующей сотне количество различных слов уменьшится, оно составит примерно 60, в третьей – порядка 40 и т. д. Разумеется, эти данные варьируют в зависимости от текста, времени их написания, от их содержания и т. д. Речь идет о том, что прирост новых слов в тексте определяется развитием темы. Если речь идет об одном и том же, то количество новых слов постепенно уменьшается. Появление новой темы естественно влечет появление новых слов. В связи с этим кривая прироста новых слов постепенно затухает и в принципе стремится к нулю. Теоретические расчеты показывают, что этот ноль будет достигнут для художественных прозаических текстов где-то примерно на полумиллионном словоупотреблении. «Война и мир», «Сага о Форсайтах», «Улисс» или «Тихий Дон» укладываются именно в этот размер. По-видимому, дальнейшее увеличение текстов привело бы к их распаду. «Человеческая комедия» Бальзака или «Ругон-Маккары» Золя это уже не единый текст, а серия текстов, каждый из которых обладает своей темой и, следовательно, своей лексической структурой.

Прирост новых слов в тексте происходит не одинаково. Можно, очевидно, говорить о различных закономерностях этого явления для текстов различной жанровой, стилистической принадлежности: одни закономерности характерны для деловых текстов, другие – для художественной прозы, третьи – для публицистики, четвертые – для стихотворений. Можно говорить, вероятно, об авторском своеобразии в организации прироста слов. Само собой разумеется, различны будут характеристики прироста слов для различных языков. Из отношений закономерности прироста слов в данном тексте и статистических закономерностей словаря данного языка в целом вытекают некоторые особенности, характеризующие лексико-статистическую структуру данного текста. В определенной мере показательной является, напри-

мер, средняя частота слова в тексте. Вероятно, при этом необходимо учитывать и общую длину текста. Например, средняя повторяемость каждого слова в «Войне и мире» – около 20 раз – не может считаться показателем избыточной повторяемости по сравнению со средней повторяемостью слова в «Герое нашего времени» (8 раз). Определить лексическое богатство текста можно исходя из соотношения реального и ожидаемого количества разных слов в тексте данной длины. Если реальное число разных слов оказывается больше ожидаемого, то текст более богат, если количество разных слов меньше чем ожидается, текст соответственно менее богат. Ожидаемость же может быть эмпирически получена на основании применения методики Ф. Паппа к значительному количеству текстового материала данного типа. Думается, что для статистической характеристики лексики текста возможны и другие статистические показатели, в частности такие, как характеристики фрагментов текста, более или менее богатых лексически, характеристики фрагментов лексикона, более или менее широко представленных в данном тексте. Особое место в частотно-статистической характеристике текста, как это было показано еще П. Гиро на примерах французской поэзии, занимает комплекс наиболее частотных слов конкретного текста в сравнении, добавим, с данными о наиболее частотных словах конкретного языка в конкретный период.

Определенным показателем может быть, видимо, и показатель доли редких слов в данном тексте. Это особенно существенно для крупных текстов. Что касается малых текстов, в частности стихотворений, то закономерности их статистической организации пока что выяснены очень слабо.

Разумеется, лексическая структура текста не может быть ни в коем случае сведена к структуре чисто количественной. Очень интересным и существенным является показатель семантических отношений между лексемами как в рамках одного высказывания, так и в более широких рамках. Представляется, что по установлению определенного перечня семантических отношений между словами (пока такие перечни существуют еще только в первом приближении и далеко не в полном объеме) будет интересным

проверить, каковы отношения между соседними словами, какого рода отношения между отдаленными словами. В этой связи представляется чрезвычайно плодотворным изучение ассоциативных связей слов в тексте. Было показано, что заключительный фрагмент повести Хемингуэя «Старик и море» связан ассоциативными связями со многими элементами всего повествования [Клименко 1982]. Те представления о словах, которые вызываются данным словом и о которых писали в свое время Ф. де Соссюр [Соссюр 1977: 158–159], Ж. Вандриес [Вандриес 1937: 171], а позже В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 17], создают определенный ассоциативный фон данного текста. Такой лексический ассоциативный фон присутствует в восприятии текста, он не только элементарно подсказывает слушателю или читателю те сферы лексикона, из которых ожидается следующий элемент, но и находясь постоянно в сознании испытуемых, может быть существенным фактором для восприятия текста в целом. Было показано, что заключительный фрагмент повести Хемингуэя ассоциативно подсказывался содержанием, элементы, которые подчас впервые возникли в заключительном абзаце, ассоциативными своими связями подсказывались предыдущим текстом. Названные характеристики лексической структуры текста отнюдь не исчерпывают всех возможностей анализа лексикона отдельного текста. Вероятны и другие подходы в этом направлении. Речь идет о том, что, по-видимому, нужна систематизация этих подходов и важно понимание того, что лексическая структура текста многомерно определяется взаимодействием отдельных элементов лексической структуры. И лексико-тематический отбор, и отбор отдельных слов, и сочетаемость слов, и частотная характеристика, и характеристики закономерностей появления новых слов в тексте, и установление семантических связей между словами в тексте, и ассоциативные связи слов в тексте – все это части общей лексической структуры текста, которые вместе с другими, еще быть может неисследованными частями, позволяют выявить, будем надеяться в недалеком будущем, лексическую структуру текста как целого.

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка / Ю. Д. Апресян. – М., 1974.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М., 1963. – Т. II.
3. Вандриес, Ж. Язык / Ж. Вандриес. – М., 1937.
4. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – М., 1972.
5. Клименко, А. П. Словесные ассоциации и текст / А. П. Клименко // Романское и германское языкознание. – Минск, 1982. – Вып. 12. – С. 8–12.
6. Клименко, А. П. Субъекты действия и структура английского связного текста / А. П. Клименко // Романское и германское языкознание. – Минск, 1985. – Вып. 15. – С. 112–115.
7. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – М., 1984.
8. Папп, Ф. Количественный анализ словарной структуры некоторых русских текстов / Ф. Папп // Вопросы языкознания. – № 6. – 1961. – С. 93–100.
9. Серeda, Л. М. Функционирование лексико-тематических групп в структуре английского короткого рассказа: Автореф. дис. канд. филол. наук / Л. М. Серeda. – Минск, 1984.
10. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. – М., 1977.
11. Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи / И. А. Стернин. – Воронеж, 1985.
12. Супрун, А. Е. Лексика и вероятностный характер языка / А. Е. Супрун // Проблемы лексикологии. – Минск, 1973. – С. 160–170.
13. Супрун, А. Е. Лекции по языкознанию / А. Е. Супрун. – Минск, 1978.
14. Baudouin de Courtenay, J. Dzieła wybrane. / J. Baudouin de Courtenay. – Warszawa, 1974. – Т. 1.
15. Jakobson, R. Selected writings / R. Jakobson. – Berlin; New York; Amsterdam, 1985. – V. 7.